

К проблеме реализации обеспечения обязательств государств по международным договорам

Демидов Д. Г.^{*}, Михайлов Н. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *dgdemidov@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цель. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблематики доктринальных подходов к реализации обеспечения обязательств государств по международным договорам. Авторы анализируют действующие принципы и доктрины обеспечения обязательств по международным договорам, предлагают рассматривать основополагающие принципы исполнения обязательств государств через призму доктрины *jus cogens*.

Методы. В работе использованы методы, такие как: метод системного анализа, метод синтеза, формально-юридический метод, логический метод, метод аналогии.

Результаты и выводы. Авторы полагают, что необходимо прямое признание принципа добросовестного исполнения международных обязательств императивной нормой международного права в спорах, все участники которых согласились с таким положением. Согласие с «вертикальным» действием данного принципа, то есть распространением на национальное законодательство, позволит минимизировать, а в некоторых случаях исключить возможность отказа от исполнения обязательства в силу решения национального органа. Использование доктрины *jus cogens* применительно к принципам обеспечения исполнения обязательств государствами в значительной степени позволит продвинуться к юридическому воздействию на государства в рамках международного права и станет дополнительным элементом обеспечения ответственности государства в части исполнения им обязательств, проистекающих из международных договоров.

Ключевые слова: международные принципы, *jus cogens*, обязательства государств, *pacta sunt servanda*

To the Problem of Realizing the Provision of Obligations of States under International Treaties

Dmitriy G. Demidov^{*}, Nikita D. Mikhailov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *dgdemidov@gmail.com

ABSTRACT

Target. The purpose of this article is to consider the problems of doctrinal approaches to the implementation of the provision of obligations of states under international treaties. The authors analyze the current principles and doctrines of securing obligations under international treaties, suggest that the fundamental principles of fulfilling state obligations through the prism of the doctrine of *jus cogens* be considered.

Methods. Such methods as: system analysis method, synthesis method, formal-legal method, logical method, analogy method are used in the work.

Results and conclusions. The authors suppose that a direct recognition of the principle of conscientious fulfillment of international obligations by a peremptory norm of international law in disputes where all participants agreed to this provision is necessary. The agreement with the “vertical” action of this principle, that is, the extension to national legislation, will allow to minimize, and in some cases to exclude the possibility of refusing to fulfill the obligation due to the decision of the national authority. The use of the *jus cogens* doctrine as applied to the principles of ensuring the fulfillment of obligations by the states will, to a large extent, allow to move towards legal impact on the states within the framework of international law, and will become an additional element of ensuring the responsibility of the state in fulfilling its obligations arising from international treaties.

Keywords: international principles, *jus cogens*, state obligations, *pacta sunt servanda*

Исполнение обязательств является сущностным критерием работы всей системы права. В международном праве исполнение обязательств основными субъектами международного права (государствами) осложнено их собственным статусом, основанном на суверенитете. Отсюда и актуальность исследования заявленной проблематики. В международной правовой практике проблемы обеспечения обязательств именно со стороны государств остаются трудно решаемыми, что требует дополнительного поиска и обоснования начал обеспечения обязательств.

По мнению Н. С. Симоновой, механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам состоит из целого ряда элементов — международно-правовых институтов, важное место среди которых по праву занимает институт добросовестности выполнения между-

народных договоров; в свою очередь, добросовестность выполнения международных договоров проистекает из принципа *pacta sunt servanda* [4, с. 17]. С приведенной точкой зрения следует согласиться и констатировать, что указанный принцип является ключевым принципом обеспечения исполнения обязательств в международном праве. Вместе с тем принцип добросовестности несет в себе и некоторые отрицательные стороны, так как сам по себе зависит от воли государства, а значит, может быть нивелирован при определенных обстоятельствах самими государствами.

Базовым документом, регламентирующим вопросы заключения международных договоров и исполнения обязательств по ним, является Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская конвенция). Венская конвенция создала фундаментальную конструкцию соблюдения и обеспечения обязательств, проистекающих из договоров, заложенными принципами обеспечения обязательств являются принципы ст. 26 (*pacta sunt servanda*) и ст. 27 (невозможность отсылки к внутреннему праву для оправдания невыполнения обязательств по договору) Венской конвенции. Представляется, что дополнительным элементом в этой конструкции, обеспечивающим предпосылки исполнения государствами обязательств, является отсылка к *jus cogens* при определении ничтожности международных договоров (ст. 53 Венской конвенции).

Jus cogens являются императивными нормами международного права, обязательными для исполнения всеми субъектами международного права, противоречие которым делает иные международно-правовые обязательства ничтожными. Отметим, что появление данной категории обязательств было сопряжено со спорами о месте и возможности существования императивного обязательства в международном публичном праве, о времени их появления, о том, какие именно международно-правовые принципы входят в *jus cogens*.

Как отмечают исследователи, текущее положение *jus cogens* во многом компромиссно, доктрина *jus cogens* применяется в правоприменительной практике международных судов, но еще не привела к существенным изменениям в международно-правовом регулировании [2, с. 8]. Вопрос об отнесении нормы к *jus cogens*, как правило, решается международными правоприменительными органами в каждом конкретном случае. Общеизвестно, что к *jus cogens* относятся международно-правовые принципы, связанные с охраной основных прав и свобод человека, как, например, недопустимость пыток или геноцида. В то же время относимость к *jus cogens* иных международно-правовых принципов зачастую ставится под сомнение.

Другой стороной *jus cogens* является идея о возможности «вертикального» применения данных норм, то есть распространение действия императивных норм международного права на нормы национального права [Там же, с. 11]. Это означает, что, в случае если норма национального права противоречит общепризнанной норме международного права, такая норма должна считаться ничтожной.

По своей природе обязательства такого рода видятся наиболее строгими, безусловно обязательными к исполнению, однако в современной правовой реальности даже для них отсутствует механизм обеспечения исполнения обязательства государством (здесь опять же базовым принципом остается добровольность). Международная практика показывает, что в ряде случаев международные суды прямо указывали на то, что нарушение государством *jus cogens* не влечет прекращения иммунитета у такого государства [7]. То есть фактически, даже если очевидно, что государство нарушило общепризнанную императивную норму международного права, как, например, норму о запрете пыток, это не приводит к возможности принудительного воздействия на государство к соблюдению подобного рода обязательств. Но даже при наличии такого недостатка доктрина *jus cogens* по существу предлагает конструкцию, подходящую если не для фактического обеспечения исполнения государством обязательства, то для разрешения проблемы юридического оформления воздействия на государства исполнять взятые на себя обязательства.

Прежде всего необходимо прямое признание принципа добросовестного исполнения международных обязательств императивной нормой международного права в спорах, все участники которых согласились с таким положением, а также согласие с «вертикальным» действием данного принципа, то есть распространением на национальное законодательство, что позволит минимизировать, а в некоторых случаях исключить возможность отказа от исполнения обязательства в силу решения национального органа. Дополнительным усиливающим элементом в конструкции обеспечения обязательств государств может стать объективация принципа добросовестности исполнения обязательств по международным договорам посредством принятия международного правового документа, разъясняющего общие принципы обеспечения обязательств государств.

Вместе с тем необходимо признать, что на современном этапе развития международно-правовых отношений и международного права подобная конструкция представляется в значительной степени нереализуемой и будет коллизировать с принципом суверенитета, так как в случае реализации

данных положений, для большей эффективности их реализации, потребуется согласие государства на юрисдикцию международного органа правосудия, что на практике является крайне болезненным для государств, так как обеспечение исполнения обязательства сопряжено с согласием субъекта международного права на фактические властные действия международного органа. В качестве примера описанной проблемы можно привести принятие в Российской Федерации поправок к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹, касающихся рассмотрения дел о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Данными поправками российский законодатель отреагировал на ряд принятых Европейским судом по правам человека решений в отношении Российской Федерации и наделил дополнительными полномочиями орган конституционной юстиции. Следует отметить, что подобная реакция на уровне различных ветвей власти в отношении решения Европейского суда по правам человека свойственна не только Российской Федерации [1].

Можно провести аналогию с национальным правом в части исполнения судебного решения, которое может быть как добровольным, так и принудительным, но стимулом к добровольному исполнению обязательства служит нежелание претерпевать негативные последствия в большем объеме. В международном публичном праве властный субъект, способный принудить субъекта международного публичного права исполнить обязательство, отсутствует и может появиться только с согласия самого субъекта международного права. В отсутствие такого властного субъекта исполнение решения является актом доброй воли, добросовестности субъекта международного обязательства, но при этом отсутствует присущий национальному праву стимул для добровольного исполнения обязательства, поскольку субъект международного права, по общему правилу, исполнив обязательство добровольно, не получит никакого дополнительного преимущества, не избежит дополнительных «убытков», за исключением репутационных; в некоторых случаях, напротив, отказ от исполнения международно-правового обязательства может принести большую пользу для самого субъекта международного права, чем его исполнение [5, с. 470–471]. Источником ответственности в этом случае может выступить иное государство: ответственность будет выражаться в приостановке исполнения встречного обязательства, отказе от сотрудничества в дальнейшем, приостановке членства в определенных организациях и т. д. [6].

Резюмируя, отметим, что в современном международном праве основными принципами обеспечения обязательств государств остаются принципы добровольности и *pacta sunt servanda*. При этом в силу правового статуса государства как субъекта международных отношений реализация данных принципов остается усеченной. На наш взгляд, использование доктрины *jus cogens* применительно к принципам обеспечения исполнения обязательств государствами в значительной степени позволит продвинуться к юридическому воздействию на государства в рамках международного права и станет дополнительным элементом обеспечения ответственности государства в части исполнения им обязательств, проистекающих из международных договоров.

Литература

1. Белов С. А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37–56.
2. Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7–14.
3. Русинова В. Н. Достучаться до Совета Безопасности ООН: санкционные списки и обязательства государств по защите прав человека в решениях международных судебных и квазисудебных органов // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 68–84.
4. Симонова Н. С. Институт добросовестности в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств // Международное публичное и частное право. 2013. № 5. С. 17–19.
5. Худoley К. М. Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4. С. 463–473.
6. Чувальская И. П. Позиционирование института ответственности по праву ЕС в универсальной системе международной ответственности государств // Международное право и международные организации. 2016. № 2. С. 257–273.
7. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy). 3 February 2012. ICJ. P. 92–95 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/143/16883.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).

¹ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 №7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

Об авторах:

Демидов Дмитрий Геннадьевич, доцент кафедры правоведения Юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; dgdemidov@gmail.com

Михайлов Никита Дмитриевич, магистрант 2-го года обучения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

About the authors:

Dmitriy G. Demidov, Associate Professor of the Department of Law at the Faculty of Law of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; dgdemidov@gmail.com

Nikita D. Mikhailov, Master of the second year of study of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation)